

Перед ними стоял юноша, уже лишённый прешней детской наивности. Его тёмные глаза смотрели на Цзян Юэ и его мать без тени эмоций.

И всё же в его взгляде было что-то, что заставляло других не решаться вести себя слишком вольно.

Они вдруг вспомнили, каким он был, когда его только привели в их дом.

Живым и милым.

Но потом он стал робким и слабым, и даже когда Цзян Юэ садился ему на голову и называл его щенком, он лишь покорно лаял.

Когда же Цзян Линь превратился в того, кого они не могли позволить себе обидеть?

Это началось, когда в двенадцать лет он отправил своего дядю в тюрьму.

С тех пор робкий и слабый мальчик исчез из их вида, быстро превратившись в того, кем он был сейчас.

После того как отец Цзян Юэ попал в тюрьму, дела семьи резко пошли вниз.

Ни Цзян Юэ, ни его мать не были готовы к трудностям.

Поскольку Цзян Линь был очень популярен в школе Аньян, слухи о нём естественным образом дошли до соседних школ.

Услышав об этом, Цзян Юэ начал тайно выяснять, как живёт его двоюродный брат.

Хотя он не знал всех подробностей, но по внешним признакам всё казалось очень благополучным — иначе откуда бы у них были деньги переехать в этот район и снять жильё за пределами школы.

Вернувшись домой, Цзян Юэ обсудил это с матерью, и они начали разыгрывать спектакль.

Они рассчитывали на то, что семья Цзян не станет рассказывать о том, что происходило с Цзян Линем в детстве, а также на то, что окружающие не знали всей правды о семье.

Людей легко подтолкнуть.

Стоило лишь слегка исказить факты, и они обязательно встали бы на их сторону.

Цзян Юэ собрался с духом и повысил голос:

— Двоюродный брат, ты наконец вернулся! Мы не хотели тебя беспокоить, но...

Он замолчал, словно не решаясь продолжить. Его милостивое лицо выражало сдержанность, будто он хотел сохранить лицо семьи Цзян.

— Сяо Юэ, зачем ты так унижаешься? — вмешалась его мать. — Сегодня я посмотрю, как они собираются с нами поступить! Разве в этом мире больше нет закона?

В критический момент они не забыли о цели своего визита и, оправившись от первоначального шока, снова начали разыгрывать ту же сцену перед Цзян Линем.

Гуань Юй, стоя рядом, наблюдал за их отвратительными лицами, вспоминая историю, которую ему рассказывал Цзян Линь.

Хотя тот говорил спокойно, словно это была не его история, Гуань Юй всё же почувствовал, насколько серьёзными были травмы, которые юноша пережил в детстве.

Возможно, даже то, что Цзян Линь почти не разговаривал в школе, было связано с событиями его детства.

Мальчик смотрел на Цзян Юэ, и его взгляд был таким же холодным, как у окружающих.

Если бы он не знал, что Цзян Линь уже всё продумал, он бы, вероятно, бросился бы спорить с этими бесстыдными людьми.

— Сяо Линь, правда ли то, что они говорят?

— Мы же одна семья, зачем доводить отношения до такого?

— Сяо Линь вернулся, позови своих бабушку и дедушку! Тетя уже долго стоит на улице, на таком морозе она может замёрзнуть!

Снова посыпались вопросы.

Кто-то сомневался, кто-то пытался примирить, а кто-то без раздумий встал на сторону Цзян Юэ.

Цзян Линь не обращал на это внимания.

Он направился к Цзян Юэ в сопровождении нескольких человек.

— Раз вы так любите говорить, то обсудите всё с моим адвокатом.

Сказав это, Цзян Линь кивнул человеку, одетому как настоящий профессионал, стоявшему позади него.

Тот, получив указание, достал из портфеля документы и раздал их Цзян Юэ и его матери, произнеся ряд юридических терминов.

Короче говоря, это было обвинение в клевете, злонамеренной клевете, и все последствия ложились на них.

— Кроме того, мы уже вызвали полицию. Если у вас ещё есть что сказать, вы сможете сделать это в участке.

Адвокат поправил очки, его лицо было добродушным, но слова звучали совсем не так.

Едва он закончил, как в дверь вошли несколько человек.

Это были полицейские, получившие материалы от помощника Цзян Линя.

Цзян Юэ и его мать ещё до того, как их компания начала рушиться, начали присваивать средства компании. Более того, они активно участвовали в подстрекательстве других людей к избиению Цзян Линя.

Были и другие, более мелкие преступления, которые в совокупности могли отправить их в тюрьму к их мужу или отцу.

— Вы... вы не можете меня забрать! Цзян Линь, ты маленький ублюдок! Ты отправил своего дядю в тюрьму, а теперь хочешь сделать то же самое с нами?

— Отпустите меня, отпустите!

— Двоюродный брат, я был не прав, я не должен был идти против тебя! Скажи им, отпусти нас, пожалуйста...

— Двоюродный брат, умоляю тебя! Бабушка, дедушка, выйдите, спасите меня, спасите меня, пожалуйста...

На этом этапе эти двое не только не раскаялись, но и продолжали поливать грязью Цзян Линя и его бабушку с дедушкой.

Голос женщины был по-прежнему пронзительным и полным отчаяния, словно она хотела унести с собой как можно больше. Теперь она сыпала оскорблениями.

А Цзян Юэ продолжал хитрить, его миловидное лицо вызывало только раздражение.

Что бы они ни говорили, люди Цзян Линя не обращали на них внимания.

Можно сказать, что с приходом полиции в помещении воцарилась полная тишина. Все присутствующие были законопослушными гражданами, и никто из них никогда не видел ничего подобного.

К тому же полицейские сразу же забрали Цзян Юэ и его мать, а после слов адвоката всем стало ясно, кто прав, а кто виноват.

Те, кто раньше пытался примирить или поддержать Цзян Юэ, теперь выглядели смущёнными, а некоторые уже потихоньку ушли.

Этот фарс начался абсурдно, но закончился молниеносными действиями Цзян Линя.

Все остальные дела были поручены адвокату и помощнику.

Когда шумные люди ушли, те, кто до сих пор молчал, попрощались с юношей.

Хотя они были друзьями бабушки и дедушки Цзян Линя, они не могли вмешиваться в семейные дела, поэтому, попросив Цзян Линя успокоить стариков, они тоже разошлись.

Цзян Линь пришёл с ключами, поэтому ему не нужно было, чтобы бабушка и дедушка открывали дверь. Он сам открыл дверь, которую не смогли открыть Цзян Юэ и его мать.

Пожилые люди, вероятно, ещё не знали, что произошло снаружи, и, увидев, что их внук вошёл с молодым человеком, встали.

— Сяо Линь, всё решено?

После двенадцати лет Цзян Линя они знали, что их внук был расчётливым, поэтому все важные дела в семье доверяли ему.

Это было его собственное требование.

Бабушка и дедушка Цзян Линя в молодости пережили много трудностей, и теперь, в старости, их здоровье было не самым лучшим, поэтому он не хотел, чтобы их беспокоили мелочи.

Сегодняшние события также были тщательно спланированы им, и он попросил бабушку и дедушку не выходить, а просто ждать его дома.

— Да, они больше не придут.

С родными он вёл себя иначе.

Холодное выражение лица Цзян Линя смягчилось, и в его голосе появилась теплота.

Однако он не рассказал бабушке и дедушке, что случилось с семьёй Цзян Юэ.

Бабушка и дедушка Цзян Линя, забрав внука к себе, полностью разорвали отношения с теми людьми.

Когда они узнали о жестоком обращении с Цзян Линем, их мозг был пуст.

Они не могли понять, как их второй сын мог совершить такое злодеяние.

Как бы они ни не верили, увидев фотографии, предоставленные полицией, они были вынуждены принять реальность.

Каждый раз, когда они навещали Цзян Линя, они видели, что семья Цзян Юэ заботилась о нём, но как только они уходили, ребёнок не прожил ни одного хорошего дня.

В тот день бабушка и дедушка Цзян Линя плакали, чувствуя, что они больше не могут смотреть в лицо своему умершему старшему сыну и невестке.

Каждый раз, глядя на когда-то улыбающегося малыша, который теперь стал молчаливым и угрюмым, они испытывали глубокое сожаление.

Когда они впервые забрали Цзян Линя к себе, он даже не разговаривал с ними, лишь механически выполнял свои дела.

Узнав в школе, что такое состояние длится уже давно, они приложили много усилий, чтобы вернуть мальчика к нормальной жизни.